

Кубатура. — 1993. — Октябрь. — С. 9.

ПОЧТИ, КАК АЙСЕДОРА

Говорили, что ее педагогическая система не выдерживает критики, а ее школы обречены на скорый развал. Она и сама, шала и великая босоножка, не скрывала: «Разве можно научить танцам? У кого есть призвание — просто танцует». И при этом упорно продолжала создавать свои школы, которые и в самом деле оказывались недолговечными. Искусство Айседоры, «породившей» множество последователей, но не умевшей вложить в их руки основательного «учебника», а в сердца свою уникальную жизненную энергию, должно было уйти вместе с нею...

Но вот парадокс — в дни недавнего международного фестиваля «Ретроспектива Айседоры Дункан» (и предшествующего ему отечественного фестиваля) вдруг обнаружилось, что в одной только Мо-

ске существует около десятка студий, исповедующих эстетические принципы американской танцовщицы, что подобные студии есть в Европе, Японии и, разумеется, в США, что и сегодня на концертную эстраду выходят современные босоножки, и среди них нет-нет да и промелькнет такая, что способна сорвать комплимент с уст самой племянницы Дункан, Лиго: «Танцует почти, как Айседора!». (Еще один парадокс ее знаменитой тетки — мечтая о создании массового танца, она создала танец-гимн незаурядной, свободной личности-одиночки, которой только и под силу, в свою очередь, его исполнить «как следует». В противном случае смотреть на телодвижения а ля Дункан просто неинтересно — что лишний раз и подтвердил фестиваль).

Впрочем, «Ретроспектива» состояла не из одних лишь концертов с участием американских, англо-французской и российской групп. Два дня в Московской школе музыки и пластики, по инициативе и в поддержку которой (руководитель Вера Белозорович), собственно, и был организован этот фестиваль, зарубежные педагоги давали открытые уроки. Два дня шла конференция, посвященная традициям Айседоры в разных странах, в том числе в России. Ведь и здесь в начале века появились дункановские студии, здесь в 1921 году при непосредственном участии самой танцовщицы была создана первая государственная школа пластики и вплоть до 1949-го концертировал советский ансамбль ее имени. Традиции были. Жаль, никто не рассказал, как при

крайней затрудненности доступа к опубликованным лекциям Дункан, к рисункам, запечатлевшим ее танец, как при запрете на само ее искусство — с началом «холодной войны» — те традиции удалось сохранить.

Кстати, о рисунках. Нью-Йоркская академия Дункан (основанная братом Айседоры и ныне возглавляемая его дочерью Лиго и внучкой) представила на «Ретроспективе» свою уникальную изо- и фотоколлекцию, являющуюся неоценимым «пособием» для наших студийек. Эту выставку, как и все вышеперечисленное, включая концерты, я бы назвала практическим просветительством. Если это имели целью организаторы фестиваля, то они ее достигли: помощь, формально предназначенную одной московской школе, получи-

ли все желающие — в виде творческих идей, конкретного знания или информации для размышления. Что же до искусства... На мой взгляд, танец Дункан в концертном исполнении как был, так и остался искусством для узкого круга. Зато в качестве воспитательного средства делается, похоже, все более необходимым. Много ли сегодня можно найти лекаря от физической скованности и психологической закомплексованности? Танец, подсмотренный у природы и ставящий во главу угла естественность, дает исполнителю шанс стать самим собой.

...Да, парадокс, но шаткая педагогическая система Айседоры, похожая, скорее, на свод красивых деклараций, пережила многие другие, гораздо более рациональные. Впрочем, противоречивость и непредсказуемость были знаками ее судьбы. Может быть, и постземной тоже?

Л. ДОЛГАЧЕВА.